

ВЛАДИСЛАВ ЖЕНЕВСКИЙ
запах

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж54

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Составитель *Парфенов М. С.*

В книге и на обложке использованы иллюстрации
Александра Соломина

Женевский, Владислав

Ж54 Запах: сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 380, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-097774-1

«ЗАПАХ» Владислава Женевского (1984–2015) — это безупречный стиль, впитавший в себя весь необъятный опыт макабрической литературы прошлых веков.

Это великолепная эрудиция автора, крупнейшего знатока подобного рода искусства — не только писателя, но и переводчика, критика, библиографа.

Это потрясающая атмосфера и незамутненное, чистой воды визионерство.

Это прекрасный, богатый литературный язык, которым описаны порой совершенно жуткие, вызывающие сладостную дрожь образы и явления.

«ЗАПАХ» Владислава Женевского — это современная классика жанров weird и horror, которую будет полезно и приятно читать и перечитывать не только поклонникам ужасов и мистики, но и вообще ценителям хорошей литературы.

Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», серия «Самая страшная книга» счастливы и горды представить вниманию взыскательной публики первую авторскую книгу в серии ССК.

Книгу автора, который ушел от нас слишком рано — чтобы навеки остаться бессмертным в своем творчестве, рядом с такими мэтрами, как Уильям Блейк, Эдгар Аллан По, Говард Филипс Лавкрафт, Эдогава Рампо, Ганс Гейнц Эверс и Леонид Андреев.

© Владислав Женевский, текст, 2016
© Александр Соломин, обложка, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«Это больше Вселенной». Памяти Владислава Женевского

Есть вещи, которые правда больше Вселенной. Время — одна из этих вещей. Страна, чья территория распространяется гораздо шире. Змея, которая заглатывает миры, пожирает галактики по кусочку, день за днем.

Мы познакомились с Владиславом Хазиевым на форуме русскоязычных поклонников творчества Стивена Кинга больше десяти лет тому назад. Многие тогда еще общались на форумах, общались с помощью слов и предложений, а не «лайков», и позволяли себе оставлять сообщения длиной свыше ста сорока символов. Нам обоим было по двадцать с чем-то или без чего-то. Влад уже писал жуткие и прекрасные истории, уже придумал себе в качестве псевдонима фамилию Женевский — в честь Женевского озера, на берегах которого поэты лорд Байрон и Перси Биши Шелли, жена последнего Мэри и лечащий врач первого Уильям Полидори как-то раз устроили, возможно, первый в мире конкурс хоррора. Доктор Полидори сочинил (видимо, основываясь на придумке своего знаменитого пациента) новеллу «Вампир», а Мэри Шелли — роман, получивший название «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Как нетрудно догадаться, Влад уже тогда, к середине 2000-х, был знатоком макабрической прозы. Сегодня за Женевским — репутация безупречного (сам бы он с этим не согласился в силу удивительной скромности) литератора и переводчика, блестящего критика, литературоведа и, безусловно, одного из лидеров «новой хоррор-волны» в русскоязычной литературе.

Много это или мало в масштабах Вселенной?..

Так что же такое хоррор – философия, религия, извращение, досадный курьез?

Хотим мы того или нет, но в глазах публики темное братство всегда будет невнятным меньшинством. Само наше существование – сюжет для антиутопии: группа неуловимых (и никому не нужных?) повстанцев ведет ожесточенные бои в тылу врага. Об этом можно было бы написать полновесную книгу, если бы не абсурдность ситуации, ведь хоррор – это гетто внутри гетто, меньшинство в квадрате; нас одинаково сложно отнести к тем, о ком пишут в серьезных журналах, и к тем, кто собирает большие тиражи. Нас не вообразить в мейнстриме, но и для фантастов мы всегда будем чужими... так, может быть, стоит этим гордиться? Может быть, Неуловимый Джо не бесполезен, а всего лишь – свободен?

Судьба литературы висит сейчас на волоске: на шкале общества потребления мы где-то между кузнечным делом и балетом. А значит, ушло время поденщиков и бумагомафак: останутся только самые неистовые – гении и графоманы. Те, кто не может не писать. Никаких дедлайнов, никаких форматов: пишем для себя и для тех, кто готов нас слушать, остальным – дорога в копирайтеры и репортеры.

Философия, религия, извращение? Какая разница. Без хоррора нас бы не существовало.

Владислав Женевский

Женевский родился и вырос в Уфе, там он провел большую часть своей несправедливо короткой, но яркой, как вспышка, жизни. Еще в раннем детстве он полюбил чтение и с первых классов школы взялся сочинять стихи и сказки. Закончив учебу, решил было связать будущее с инженерией и математикой, но вскоре понял, что это совершенно «не его». Поступил на филфак, а в дальней-

шем учился на переводчика (Школа Баканова). К тому времени он уже блестяще знал творчество не только Кинга, но и классиков жанра: Э. А. По, Г. Ф. Лавкрафта, Г. Г. Эверса, У. Голдинга и многих других. Просветитель по натуре, писал огромное количество рецензий, статей, охватывая весь пласт мировой культуры, от литературы немецкого романтизма до современного кинематографа и музыки. Составлял рекомендационные списки для желающих изучать «темный жанр». Переводил прозу, устраивал и публиковал интервью. В том числе — позволил русскоязычным читателям «услышать» (впервые!) Питера Страуба, Рэмси Кэмпбелла, Стивена Джонса, Лэрда Баррона, Глена Хиршберга, Адама Нэвилла, Джо Р. Лэнсдейла и других мастеров. В качестве переводчика и публициста сотрудничал со множеством изданий и ресурсов: журналами «FANтастика» и «Мир фантастики», фэнзинами «Тьма» и DARKER, постоянным автором и какое-то время редактором которых был. Много раз становился лауреатом известной в узких кругах премии «Фанткритик», стоял у истоков литературного общества «Тьма», входил в номинационную комиссию литературной премии «Новые горизонты», был одним из администраторов портала «Фантлаб», работал над переводами для издательства «АСТ». Параллельно писал сам, не питая поначалу, как и все мы, особых надежд увидеть свои рассказы опубликованными на бумаге.

Говорит коллега Женецкого, известный фэн, один из администраторов Фантлаба *Алексей Грибанов*:

Влад Женецкий... Мне привычнее называть его Пикман, под этим ником – Rickman – он был известен в Сети.

Но мне посчастливилось общаться с этим удивительным человеком не только в Интернете. Он был настоя-

щим интеллигентом, всегда готовым к диалогу, доброжелательным, уважающим собеседника, готовым прислушиваться к чужим словам, и вместе с тем – твердым в убеждениях, умеющим отстаивать свою правоту.

Общаясь с Владом, я впервые в полной мере понял значение слова «харизма»: стоило ему о чем-либо негромко заговорить, как в наших шумных компаниях все замолкало и начинали прислушиваться («все, о чем говорит Пикман, – интересно»), он умел захватить внимание аудитории одной неожиданной остроумной фразой. Примечательно, что даже в обычном дружеском трепе его речь была гармонична и красива, должно быть, сказывалось свойственное большим писателям внимание к деталям, к каждому слову. При этом Влад отличался замечательным чувством юмора, многие изречения Пикмана в кругу фантлабовцев стали крылатыми, именно он придумал использовать фамилию замечательного английского писателя для определения не слишком хорошего самочувствия, так родился неологизм «пратчетт» («ох, что-то меня пратчетт»).

Наверное, каждому человеку на жизненном пути встречается идеальный собеседник, с которым хочется общаться, хочется слушать его снова и снова. Таким для меня был Влад. Он был способен поддержать разговор на любую тему – от литературы до интернет-мемов. Вообще, эрудиция Владислава, багаж его знаний – поражали. Он отлично разбирался не только в литературе, но и в кинематографе. К IV Всероссийской встрече Фантлаба в 2011 году мы с Владом подготовили показ фантастической и сюрреалистической анимации. Несколько месяцев выбирали наиболее интересные мультфильмы со всего света и были рады, что показ прошел с большим успехом. Влад тогда очень помог в выборе и поиске редких анимационных работ и написал прекрасное вступительное слово к нашему меропритию. Он писал стихи и прозу, замечательные статьи и рецензии, занимался переводами, редакторской работой, организовывал интервью с зарубежны-

ми писателями, составлял библиографии на Фантлабе. И делал все одинаково талантливо и добросовестно.казалось, что он настоящий волшебник, у которого три руки, как у шамана из песни его любимого «Пикника».

Я всегда был твердо уверен, что этот человек поднимет русский хоррор на новый, более высокий уровень. По-другому и не могло быть: талант Влада, его увлеченность любимым делом, все на это указывало. Но вмешалась болезнь... Остались его произведения, созданные по сути всего за несколько лет активной работы, а главное – сотни людей, которых Пикман заинтересовал, увлек «темной литературой». Я знаю, что он всегда находил время помочь начинающим авторам – советом, редакторской правкой. И порой неяркий, простоватый рассказ новичка после небольших правок Пикмана вдруг обретал глубину и силу.

В отечественной литературе Женеvский особо ценил прозу Леонида Андреева, рассказ которого «Он» перевел на английский для проекта *Weird Fiction Review* известного американского писателя Джеффа Вандермеера. Подобно одному из кумиров своей молодости, Лавкрафту (в своей ранней прозе Женеvский порой сознательно подражает ему, как и Кингу), вел активную переписку с единомышленниками и коллегами, в том числе зарубежными. В последние годы занимался всем этим, даже несмотря на тяжелый недуг, от которого в ноябре 2015 года и скончался, не дожив меньше двух месяцев до своего 31-летия.

Смерть тоже больше Вселенной. Ведь и вселенные умирают.

Влад Женеvский был моим другом и коллегой, с которым я, увы, так ни разу и не встретился. Но из нашей переписки я понимал, что он любознателен, много знает и обладает особым сдержанным чувством юмора.

Без его помощи наша готовящаяся к публикации антология фантастической литературы осталась бы неполной, лишенной произведений русских и украинских авторов.

Работая с Владом, я понимал, что общаюсь с человеком вдумчивым и исполненным страстной любви к литературе. Я верил, что впереди у нас еще долгие годы переписки, пока мы, наконец, не встретимся. Нельзя измерить мою печаль от ухода Влада.

Джефф Вандермеер

Любовь тоже больше Вселенной. Вы не знали?..

Нас разделяли сотни километров, но я считал его своим близким другом. Мы годами дружили по переписке, а лично встретились лишь однажды, в рамках трехдневного конвента ФантАссамблея в Санкт-Петербурге, где в тот раз впервые была открыта секция хоррора. Женевский выступал с докладом, на основе которого впоследствии было написано эссе «Хоррор в русской литературе», имеющее для нашего жанра в России и ближнем зарубежье значение не меньшее, чем для Запада имела статья Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе». Крайне скрупулезный и тщательный автор, Влад придавал большое значение символам, образам и атмосфере. Надо было быть там и видеть, как он обставил свое выступление: с выключенным светом, зашторенными окнами, при свете одинокой свечи. Он рассказывал (и показывал слайды), а все восхищенно внимали. Мероприятие это имело успех едва ли не больший, чем лекции главной приглашенной «звезды» того конвента, фантаста Кори Докторау.

Узнав, что Влада не стало, я плакал. Он был мне братом. Я любил его. Восхищался его человеческими качествами. Преклонялся перед его литературным дарованием. И не я один. Хотя при жизни Женевского опубликовано было не так много

его произведений (новеллы в онлайн-изданиях и печатных антологиях, таких как «Фантастический детектив 2014», «Темная сторона дороги», «Самая страшная книга 2015», «Хеллоуин», «13 маньяков»), для многих молодых авторов хоррора он стал не только другом, но и учителем, подавая пример тщания и прилежности в обращении со словом, являя собой наглядный образец одновременно и творца-визионера, и истово влюбленного в Литературу трудоголика.

Вспоминает писатель, долгое время главный редактор культового вебзина DARKER Александр Подольский:

Влад для меня навсегда останется человеком, в котором идеально сочеталось темное и светлое. Темное жило в творчестве. Оно пугало, заволаживало, восхищало, но оставалось запечатанным в текстах. В словах. А светлое всегда было снаружи. Сопровождало его в реальной жизни и делало людей вокруг чуть лучше, чуть добрее, чуть счастливее. Влад был энергетическим вампиром наоборот – он не высасывал жизненные соки, а удивительным образом наполнял ими. Шутками, идеями, одним своим присутствием. В его компании всегда было уютно и тепло, к его светлой ауре хотелось тянуться, на его мрачное творчество хотелось равняться. Влад был супергероем, который сумел справиться со своими темными способностями и использовать их во благо. А все супергерои в той или иной степени бессмертны. Ведь они будут с нами, пока о них помнят и говорят.

Настоящее искусство больше Вселенной, отражая ее в бесчисленных преломлениях в бесконечном лабиринте зеркал. Гении живут в веках, ибо время не властно над тем, что, как говорил Женеvский, «написано кровью».

В творчестве Влад достиг выдающихся высот. Унаследовав лучшее у классиков, сумел освежить,

обновить и улучшить то, что брал у них, так что даже в тех историях, которые на первый взгляд кажутся лишь безупречной стилизацией под литературу прошлых веков («Никогда», «Зевака», «Запах»), читатель может увидеть самобытный стиль и личное авторское «Я» (или его же «Ид») самого Женевого. И не только увидеть, но — вот оно, высочайшее писательское мастерство, виртуозность истинного гения! — осязать, ощутить аромат, почувствовать. Уровень Сартра. Камю. Кафки. Если бы те взяли писать готические романы о «космическом» ужасе, находя удивительное в отвратительном, прекрасное и чудесное в странном и жутком.

Он парил на крыльях таланта так высоко, что не всякий даже более опытный коллега-писатель мог оценить всю красу и мощь этого ошеломляющего полета. Подобно своим литературным учителям и предшественникам — Блэйку, По, Лавкрафту и другим, он летал в таких сферах, исследовал пытливым взором мрачное сияние таких звезд, свет которых еще десятилетиями будет ниспадать на нашу грешную землю.

И при этом оставался вполне земным человеком. Гуманистом, просветителем, интеллигентом в лучшем смысле. Человеком, который ушел рано, чтобы остаться здесь навсегда.

Когда меня попросили рассказать о Владе, я почувствовал себя обманщиком. Почему я? Ведь мы не слишком много общались. И, подумав, понял — просто общения с Владом всегда казалось мало. Он был умным, эрудированным, интересным. Любой находил с ним точки соприкосновения. Он жил далеко, у себя в Башкортостане — подписывая открытки, я всегда переживал, что полный адрес не влезет, — а был, казалось, рядом.

Мы обычно пересекались во время его путешествий, на нейтральной территории, когда он бывал проездом

в Москве или Санкт-Петербурге. И только в последнюю нашу встречу я на пару дней «заскочил» к нему в гости, проехав тысячу триста километров. Такой визит оказался из ряда вон выходящим событием – никто до Уфы не добирался. А стоит отметить, что Влад был дружелюбным человеком, который благодаря Интернету поддерживал общение с людьми со всего света. И вот, когда мы (я и Илья Пивоваров) появились на пороге, его мама, Флюза, даже опешила: «Влад постоянно рассказывал, что общается в Интернете с друзьями. Но я же никогда никого не видела. Уже думала, что друзья – воображаемые». То, как они постоянно друг друга подкалывали, – отдельный штрих к портрету Влада.

На следующий же день Влад приготовил гостям роскошный подарок – мы загрузились в машину и отправились в горы. Нас ждали два дня на турбазе, езда на лошадях и восхождение на Ялангса – гору невысокую, но словно дразнящую: с нее можно любоваться раскинувшимися до самого горизонта красотами Башкирии.

Когда вы прочитаете рассказы Влада, то поймете, насколько важным было для него ощущать красоту, эстетику мира. И поймете, как ему повезло с местом рождения. Мы ехали местами, вдохновившими рассказ «Мед», и в салоне до одурения пахло башкирским разнотравьем. Запах пряный, теплый и тягучий. Путешествие сразу в двух измерениях: географическом и творческом. Фантастика!

Погода здесь переменчивая. Утро в день нашего восхождения было ясным, но после обеда мы вымокли до нитки. Лошади ступали по слякоти, смачно чавкая копытами. Проводники приказали спешиться и вести лошадей под уздцы. Непривычно было видеть, как живое существо, которое в несколько раз больше тебя размером, идет с опаской, побаиваясь, а ты, такой маленький, успокаиваешь и подбадриваешь конягу.

В том походе Влад почувствовал себя плохо, и на гору мы буквально вползли. Обратный путь дался нелегко. Влад брел, пошатываясь, и много раз поскальзывался, па-

дал. «После семнадцатого раза я перестал считать», – мрачно пошутил он. И все же шел. Чувствовал ли он, что видит это все в последний раз? Правильным ли было навестить мишистые леса и укрытые туманом поля перед тремя месяцами мучений на больничной койке?

Влад был настоящим писателем, для которого творчество и жизнь неразделимы. Одно питало другое. Сильные впечатления и эмоции он перерабатывал в строки текста. Так и тому дрянному дню он не позволил стать всего лишь несколькими испоганенными часами жизни.

«Я понял, как выглядит мой личный Ад, – идти по холодной мокрой грязи. Оступаться и падать. И продолжать идти, не зная, когда остановка. Когда-нибудь я напишу об этом». Согласитесь, картина достаточно прихотливая, как и все творчество Женевского.

Что самое невыносимое в том, что Влад ушел? То, что мы больше никогда ничего не скажем друг другу. Никогда не напишем. Не пошлем весточку. Бывает, люди переезжают. Или уходят с головой в быт. Или ссорятся – годами не общаются. Но это совсем иное. У нас физически больше нет возможности пообщаться с Владом. И только рассказы остались. Ты начинаешь читать и слышишь его голос. Что он тебе говорит?

Сергей Корнеев

Тем, кому только еще предстоит знакомство с творчеством Женевского (а эта книга – первое, пусть и не абсолютно полное собрание его сочинений), можно только позавидовать. Вам предстоит удивительное путешествие, в чем-то подобное описанному подъему на гору Ялангса. Временами трудное, порой через грязь и слякоть, но, оказавшись на вершине, вы увидите, как из грязи растут цветы и травы неопишуемой красоты. Оцените масштабы открывшегося пейзажа.

Это больше Вселенной, как писал Владислав Женевский.

ОГОНЬКИ

Рэю Брэдбери

За утесом косым в эту страшную ночь,
Обезумевшим в вечном «Один!» маяком,
Там, где ветер себе панихиду поет,
Где в экстазе сливаются волны с дождем,

Разбегись,
оттолкнись —
и звереньшем вниз,
Прямо в бездну,
в пучину,
забудься, простиись!

И все ниже,
и глубже,
в холодную тьму,
И все дальше,
и тише,
стать тьмой самому!

Там блуждают безмолвно гуськом огоньки,
Там глаза омертвелые в вечности ждут.
Не страшись протянуть непослушной руки:
Ты уже сам из них, и тебя не найдут.

Ты и сам стал блуждающим бледным огнем
И кружишься под странные вальсы без нот...
Позабудь, что Вселенной был дан тебе дом.
Это больше Вселенной. Оно ее жрет.

ВЕКИ

Десять раз в минуту...

За окном что-то строят — уже не первый месяц, но смотреть на это интереснее, чем работать. С сигаретой в зубах он облакачивается на подоконник и созерцает окрестности. Его карие глаза устроены в точности как у миллиардов других людей. Десять раз в минуту срабатывает защитная система: мозг подает сигнал, сокращаются миниатюрные мышцы, веки опускаются и возвращаются на место... он моргает.

Хлопок: веко упало и поднялось. Другой... третий... и каждый раз привычная ко всему сетчатка записывает одно и то же — краны, балки, вагончики. Однако в промежутках, десять раз в минуту, его разум погружается во тьму, где лишь иногда пляшут смутные блики — память о неярком осеннем солнце.

Сигарета докурена. Последний взгляд на городскую скуку, хлопок век...

И тогда он *замечает...*

Глаза широко открыты. Перед ним все те же краны и вагончики... но что-то изменилось в нем самом. Какая-то картинка будоражит его мозг, не дает покоя — расплывчатое нечто, возникшее по